

М.Г. Павловец, Т.В. Павловец

«Определение поэзии»

В стихотворении бросается в глаза мнимая произвольность определений поэзии: кажется, одно из определений без ущерба может быть заменено другим, а подбор слов определяется скорее их звуковой, чем смысловой близостью. Однако вспомним, что «чем случайней, тем вернее слагаются стихи навзрыд». К тому же «звуковой портрет» поэзии в 1-й строфе не должен удивлять («свист», «щелканье»), а ночь и пенье соловьев вообще являются неременным атрибутом любовной лирики. Если же учесть замечание Пастернака, что «...лопатками в дореволюционной Москве назывались стручки зеленого гороха... Под слезами вселенной в лопатках разумелся образ звезд, как бы держащихся на внутренней стенке лопнувшего стручка», — то остается только признать оригинальность и точность ассоциативного мышления поэта.

Во второй строфе с поэзией отождествляется и горох, и звезды, и музыка — все, чем богат мир. В результате такого восприятия действительности весь мир обнаруживает необыкновенную цельность: все предметы бытия связаны между собою, превращаются один в другой, так что музыка оборачивается градом («низвергается градом на грядку»), а звезда — рыбой. Неожиданно драматичен финал стихотворения: «глухота» вселенной противостоит поэзии.

Фигаро — опера Моцарта «Женитьба Фигаро».